

Том 20. № 1. 2019
ISSN 2410-6658

Научный альманах
**ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА**

УДК 398.21
ББК 82.3

АБХАЗСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ О ПРЕДОТВРАЩЕННОМ ИНЦЕСТЕ (СЮЖЕТНЫЕ ТИПЫ ATU 313E* “THE SISTER’S FLIGHT”, ATU 510B “PEAU D’ASNE”)

МАДОННА ФРИКАНОВНА ПИЛИЯ

(Центр нартovedения и полевой фольклористики Абхазского государственного университета:
Республика Абхазия, 384904, г. Сухум, ул. Университетская, д. 1)

Аннотация. Статья посвящена анализу волшебных сказок с мотивом инцеста. Данный мотив в абхазской традиции занимает незначительное место. В настоящий момент известно только два сюжетных типа, где он встречается. Один сюжетный тип, соответствующий номеру 510B по указателю ATU, представлен в абхазской традиции единственным вариантом, записанным к тому же не в самой Абхазии, а в абхазском анклаве в Турции. Отсутствие подобных текстов в абхазской традиции на родине может свидетельствовать о том, что текст, записанный Ж. Дюмезилем, возник под влиянием турецкой традиции, тем более что, согласно указателю ATU, в турецкой традиции сказки данного сюжетного типа есть. Сказки сюжетного типа 313E* представлены в абхазской традиции несколькими вариантами. В ряде случаев мотив инцеста может отсутствовать, но, с нашей точки зрения, это связано с позицией сказочника, для которого инцест недопустим. Следует также отметить, что в рассматриваемых сюжетных типах существенное место занимают предметные реалии, связанные с ритуальными практиками абхазов. Как и в обрядах, они выполняют функции оберега, знака и средства, объединяющего различные сущности.

Ключевые слова: волшебная сказка, абхазская сказочная традиция, предметные реалии, сюжетные типы 510B и 313E*.

Дата поступления статьи: 20 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Пилия М. Ф. Абхазские волшебные сказки о предотвращенном инцесте (сюжетные типы ATU 313E* “The Sister’s Flight”, ATU 510B “Peau d’Asne”) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 52–58.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.005

В абхазской сказочной традиции зафиксировано два сюжетных типа, связанных с мотивом инцеста. Первый — «Девушка в шкуре медведя» — известен по единственной записи, сделанной Ж. Дюмезилем у абхазов, проживающих в Турции [Dumézil

1967, 157–158]. Второй — «О том, как сестра не вышла замуж за брата» — представлен большим числом вариантов. Сказки хорошо известны по европейским вариантам и соответствуют сюжетным типам ATU 313E* “The Sister’s Flight”, ATU 510B “Peau d’Asne”¹.

Сюжетная схема ATU 510B следующая: овдовевший отец предлагает дочери выйти за него замуж; девушка убегает из дома, скрыв свою внешность под шкурой медведя; она прячется в дупле, где ее и находит сын князя.

В сказке «Девушка в шкуре медведя» жена перед смертью дает мужу свои чувяки, чтобы тот после ее смерти женился на той, которой они подойдут. Овдовев, князь отправляется на поиски новой жены. Он примеряет чувяки всем потенциальным невестам, но они никому не подходят. Тогда он заставляет свою дочь надеть чувяки. Девушка не соглашается, но отец насилино надевает их, и они подходят. Отметим, что в европейских вариантах вещь, которая выступает в роли знака выбора, всегда примеряется случайно. В абхазском тексте примерка происходит по приказу отца. См: «<...> Аҳак дықан. Иыпхәыс данышыуз <...> уыс иалхәант: — Сара сыпсыр абырт саимақәа иyzышшало <...> дага. Шъарда инамгакәа азхәыс дыпсыит. Аҳғыы иыпхәыс лаймақәа иыманы <...>. Иыzzагы ирышшайцант, аха азәгъы ильшшамлант. <...> Аимақәа иыманы афны даан, иыпхәа уыс лаихәант. <...> Бара ибышьата ибышьалома хбап. <...> Иыпхә арт сара иышшасышьастцо лхәазаргы, иымуыкәа иынлышиеңца, ильшшалант. <...> Бара пхәйисса бқастцот аныхәа, иыпхә ахәхәара далагант. Пытк ашьтахь иыпхәа дцан лфызак <...> [дзықәшәаз] лалхәоит. <...> Мышәцәак сзыпшаша анылхәа, лфызагы мышәцәак лзыпшашааны ианалга: — Бара уышты быфны бца, саргыы амшәцәа сталаны тлак агәафара статәап лхәан, <...>. Лартыы тлак агәафара дыштатәаз <...> Аҳак ипхә дышшәарыцоз амшә аныбиа, дааих-сраз ишәакъ аныштыых, амшә хәаант, “шәымшын” хәа. Афакъахәа амшә анда днаиын, — Шәара шәышшәацәажәа аныхәа? — Сара ицәажәо амшәцәа сраи-уауп анахәа, амшәгы иыманы афны дайт. <...>» (Жил один князь. Перед смертью жена ему говорит: «После моей смерти женись на той, кому подойдут мои чувяки». Прошло немного времени, и жена умирает. Князь взял чувяки своей жены и отправился на поиски. Надевал всем, но они никому не подходили. Пришел домой с этими чувяками и говорит дочери:

«Ты надень, посмотрим, подойдут ли они тебе». Дочь не захотела надевать, но он на-сильно надел ей — и они подошли. Когда он сказал, что женится на ней, она начала кричать. Через некоторое время она пошла к подруге и рассказала ей свою беду. Попросила найти ей шкуру медведя. Подруга пошла и нашла ей шкуру медведя. «Ты теперь иди, а я зайду в шкуру медведя и сяду в дупло дерева», — сказала она. Она села в дупло дерева. Сын одного князя во время охоты увидел медведя. Когда направил ружье, чтобы выстрелить, медведь закричал: «Не убивай меня!» Он быстро подошел к медведю и спросил: «Ты разговариваешь?» Когда медведь сказал, что умеет разговаривать, сын князя забрал его домой) [Dumézil 1967, 157–158]².

Отметим, что в европейских сюжетах используется обычно шкура животного, наделенного негативной семантикой (свинья, осел), поэтому героиня в ослиной шкуре или свином чехле не только скрывает свой истинный облик (необыкновенной красавицы), но и изменяет свой социальный статус (из царской дочери превращается в служанку-замарашку). В абхазской же традиции выбрана шкура благородного животного (медведя), под которой девушка скрывает только свой облик.

Можно сказать, что в шкуре медведя героиня находится в изоляции от окружающего мира. С. Л. Зухба пишет: «Попытка отца жениться на дочери нам представляется отголоском промискуитета. Мотивировка предложения отца (завещание умершей жены: жениться на той, кому подойдут ее чувяки) служит для художественного оправдания действия. В отказе дочери от выхода замуж за отца можно, как нам кажется, усматривать более поздние формы брачных отношений, чем промискуитет. Здесь явно виден отказ от кровосмесления. Сказка сохранила брачные отношения той отдаленной эпохи, того древнейшего периода развития общества, когда сестра могла быть женою брата, дочь могла быть женою отца. Наукой установлено наличие таких брачных отношений в древности» [Зухба 2014, 89].

Девушка в облике медведя долгое время живет у сына князя. Тот кормит и ухаживает за медведем. В конце концов, он

² Здесь и далее тексты приводятся в переводе автора статьи.

замечает у медведя человеческие качества, с помощью ножа срезает с него шкуру, и девушка обретает прежний вид.

В абхазских волшебных сказках встречаются и другие сюжеты, где девушка меняет свою внешность, надев звериную кожу. Например, жена скидывает звериную шкуру, а супруг видит и сжигает эту шкуру.

В рассматриваемой сказке уничтожения шкуры нет, вместо этого сын князя ножом разрезает шкуру медведя, и из нее выходит прекрасная девушка. Нож, таким образом, становится средством трансформации внешности, возвращения героине исконного облика. Можно сказать, что княжна на время теряет свою человеческую сущность, как бы умирая для мира. «Превращение в животное прекращает жизнь персонажа в человеческом облике. Потеряв свой естественный вид, человек умирает для окружающих, его как бы нет» [Добровольская 2009, 45]. Отметим, что в европейских текстах девушка свободно скидывает звериную шкуру, в то время как в абхазском варианте для освобождения от нее требуется помочь княжеского сына.

Выбор ножа для освобождения от звериного облика неслучаен. У абхазов он имеет защитную, бережную функцию. «Нож является оберегом наряду с другими острыми и режущими предметами из железа (ножницы, игла, топор, коса, серп)» [Топорков 2014, 326]. Его часто используют в заговорах и ритуальных практиках. В волшебных сказках нож влияет на смерть и жизнь героя. Встречаются сюжеты, где после смерти герой снова оживает, возвращая свой прежний облик с помощью сабли или ножа: «Аҳәа ырыманы амшын ифтытын, Апъсуа Ахмат дахыштыз инаганы игы инықыртцент. — <...> Аскаамта сышъацәз! — иҳәан, Апъсуа Ахмат абъаҳәа дәғагылт» (Они с саблей вышли из моря и пришли туда, где лежал Апсуа Ахмат. Они положили саблю к груди <Апсуа Ахмат>. «Как же я долго спал, — сказал Апсуа Ахмат³ и быстро вскочил) [Зухба 2005, 324].

В европейских сказках типа 510B* героиня предстает перед героем в двух обличьях: замарашки в шкуре животного и таинственной красавицы в чудесных

платьях. Подробнее об этом см. статью В. Е. Добровольской в настоящей рубрике [Добровольская 2019]. В абхазской же традиции никаких переодеваний нет, как нет и мотива добывания чудесных пальто. Более того, после того как девушка надела шкуру медведя, она не может ее самостоятельно снять. Такое развитие сюжета позволяет говорить о национальной специфике данного сюжетного типа.

Второй группой сказок с мотивом инцеста в абхазской сказочной традиции являются тексты «О том, как сестра не вышла замуж за брата», соответствующие сюжетному типу 313E*.

Если в сказке «Девушка в шкуре медведя» дочь убегает от отца, надев шкуру медведя, то в данных текстах после того, как брат предлагает сестре стать его женой, она в отчаянии, неодетая и необутая, убегает из дома и случайно оказывается в другом мире. Данный сюжет известен в нескольких вариантах.

В первом случае сюжетная схема такова. Братья долгое время странствовали в поисках невест, но не смогли найти себе подходящую пару и, грустные, возвращаются домой. Родители предлагают сыновьям жениться на своих сестрах. Старшие братья женятся на сестрах, но младшая отказывается от брака со своим братом и покидает родительский дом. Перед сестрой неожиданно появляется крепость, она заходит туда, и сразу за ней закрывается дверь. Таким образом она спасается от брата, который хочет жениться на ней. Крепость принадлежат пространству «иного мира», неслучайно там находится чудесный мертвец, оживший по ночам, который становится мужем девушки и от которого она беременеет. «Хатәки пъхәыски <...> хәык ачқынцә, хәык азгабца ырыман. <...> Өнак хәдеи пъхәыси иаандтәлан убас еибырхәеит: хачкәынцә цьюуки аарго, хазгабцәагы даәе цьюуки ирыщцау аткыс дара-дара еибаҳтап хәа ирызбеит. Иаалаган ишырхәа еипъш ачқынцә аихабацәи азгабца еиҳабацәи еибыртцент. Аха азгабцәа руазә (аитыбза) илымуит. “Ишпъыкәу, сара сашыа пъхәысс сиццом”, — ләеит. Ари ианылму, лаби лани лгәаң ркит. Лан <...> даалысуга <...> длыпкейт. Аңс рхәеит, арс рхәеит, иагъалзырундазгы, <...> пъхәысс

³ Букв. — Абхаз Ахмат.

лашьа дицымцеит. <...> Нас лаби лани ачкэын аицбы <...> дхэйнчаны дга хэа иархэеит.

Азгабгы даахъаҳэын лашьа ус иалхэеит: <...>

— Ахацъгэагэын арахэыц зну ахы кны сара сыфуеит, уара уфны усыштыланы сукуазар, уара сутэуп. <...> Афақъаҳэа арахэыц лнапы иаакъыршаны, акаар-кэашьа асы илықыршэнэ длаткъан дыфт. <...> Ифуа, ифуа, ишнеиуаз арт афыцъагы иғвазкны, уаҳа нарылымшо иаалжесеит. Ачкэын иаҳашьа дналыхъзарц егигымкэа ишықаз рапхъя баак ыкан, амни абаа рбеит. Абаа ашэ аатит. Абаа ияннадгыла, лара дыфналт, иаразнак ашэ аkit, иара адәахы даавахеит. Ани азгаб абаа дахыныонализ акэыба ықәгылан, акэыба апъсы дтаны илбейт. Ахэйлбыгеха абаа аонутцка ацәашьы аkit. <...> Акэыба итаз апъсы ипъсы ааталеит. <...> — Сара аамтала абас ёынла сыпъссларц, уахынла сыпъсы талаларц қәдас исықуп <...> ихэеит. <...> Атыхэтган ари азгаб лыбаф лтэымкэа джалеит» (У мужа и жены было три сына и три дочери. Однажды муж и жена решили: «Зачем выдавать замуж своих дочерей за чужих и женить сыновей на чужих девушках? Лучше мы их друг к другу посватаем». По совету родителей два старших брата женятся на старших сестрах. Но одна из девушек (младшая) не согласилась. «Как же так, я не выйду замуж за брата!» — сказала она. Когда она отказалась, мать и отец рассердились на нее. Мать избивает ее. Но младшая дочь не поддается ни уговорам, ни угрозам родных и не выходит замуж за брата. Тогда ее мать и отец говорят младшему сыну, чтобы тот насильно взял ее. Девушка обращается к брату и говорит: «Я возьму начало нити из клубка и убегу, а ты беги за мной; если сможешь догнать, то я твоя». Она быстро на руку намотала нить, кинула клубок на снег и убежала. Бежали, но оба так устали, что больше не могли идти дальше. Вот брат уже догонял ее, и они увидели стоящую перед ними крепость. Дверь в крепость открылась. Когда они подошли к крепости, девушка сразу зашла, дверь тут же закрылась, и брат остался снаружи. Девушка увидела в крепости гроб с покойником. Вечером внутри крепости зажглась свеча. Покойник из гроба ожила. «Мне временно предназначено днем умирать, а ночью

оживать», — сказал он. В конце концов девушка забеременела) [Там же, 216–217].

В данном примере большую роль играет нить, которую девушка бросает на землю, убегая от брата. Нить здесь выступает в качестве предмета, соединяющего два мира. Может быть, благодаря нити она и оказывается в другом мире. У абхазов в рамках похоронной обрядности существует обычай натягивать белую нить. Это делается в тех случаях, когда человек умер вне дома. Считается, что с помощью натянутой нити душа умершего воссоединится с телом и обретет покой в ином мире. Нить в данном случае не только связывает душу и тело, но и является своеобразной дорогой для души, указателем направления движения. Сказка переосмыслияет этнографическую реалию, превращая ее в элемент предметного мира и наделяя волшебными свойствами [Пилия 2017].

В другом варианте данного сюжета девушка просто не уследила за коровой. Теленок выпил всё молоко, и родители, узнав об этом, рассердились и выгнали дочь из дома. После этого девушка попала в крепость, где стоит гроб с покойником, и далее сюжет развивается аналогично первому варианту. В данном случае в тексте нет мотива инцеста. Нужно отметить, что в этом варианте, несмотря на отсутствие мотива, связанного с желанием брата жениться на сестре, сохраняются все остальные сюжетные линии. «Алыгажэ атакәажэ ажәхъя апъеи иареи ырман. Дара дрыман пъха затцэык. Рыпхъа ажәи ахәыси ләеибацәеит. Ажәи ахәыси анылцәеибацәа, лаби лани ркны данааи, ажә аңа ацәаны, ачырга ахш тамкэа ишықаз рбеит. <...> Илытцаќъан ддэйкырцеит. <...> Илықәыхэло ианалага, бакак гылан, абақакны дахнеиз, дахнадгылаа ашэ ёзааарын <...> Абака ашэ анааты аонутцка дыфналеит, <...> Ашэ ачараҳәа иакит. <...> Убри абақакны ашьахит дыканаарын. <...>» (Старик и старуха имели дойную корову и теленка. У них была одна-единственная дочь. Дочь не уследила за коровой, и теленок выпил всё молоко у коровы потому, что вымя коровы было пустым. Выгоняют ее из дома. Когда начало темнеть, она подошла к крепости. У крепости была дверь. Когда она подошла

к крепости, дверь открылась. Она зашла, и за ней сразу же закрылась дверь. В это время там был мертвец) [Зухба 2005, 219].

Отсутствие мотива инцеста может быть связано с позицией сказочника, который посчитал неправильным поступком женитьбу брата на сестре и заменил его в своем рассказе.

Отметим, что сказки данного типа сохраняют много этнографических реалий. Например, внутри крепости героиня видит гроб с покойником. По вечерам зажигается свеча и покойник встает из гроба. Также там она находит накрытый стол с разной едой. Абхазы после смерти человека каждый вечер сорок дней накрывают стол и зажигают свечи, чтобы осветить путь умершего. Они стараются угодить покойнику разнообразными блюдами, чтобы он не тревожил живых. Вероятно, следы именно этих ритуалов могли отразиться в волшебных сказках.

Во всех вариантах данного сюжетного типа покойник вечером встает из гроба. Но не всегда он может ожить и вернуться к обычной жизни. В одной группе текстов возвращение мертвеца к нормальной жизни не происходит. Это связано с тем, что его мать случайно видит ожившего сына и в страхе кричит. Он исчезает или остается мертвецом. «Ари уахык ан дызмыцәо дышыштаз, лыцкәын иуатах ывтыраны инылжыт. Ус атх агәазы дғылан дынкылпүшзар, анкъя ипсы антаз еипүш лыцкәын иуатах дыфнагылан. Ан илзымчакәо <...> артәаҳәа дыхәәданы ашә анааимылпүаа, лыцкәын днытаба дцеит» (Однажды ночью мать не смогла заснуть и приоткрыла дверь в комнату сына. Мать в полночь заглянула и увидела сына живым в его комнате. Мать не выдержала и с криком хлопнула дверью, и ее сын сразу же исчез) [Там же, 229]. У абхазов существует запрет, который распространяется на людей, общающихся с умершими. Они никому не должны говорить об этом. Если об этом кто-нибудь узнает, то покойник больше не появится. Отметим также, что при случайной встрече с умершим нужно было вести себя тихо. Если же живой человек случайно, увидев покойника, кричал, то умерший тут же исчезал.

В другой группе вариантов, где встречается мотив оживления, особое место занимают такие предметы, как веник и корыто. «<...> Ускантәи аамтазы

иаҳәшыцәа азәы ашә автәақны давагылоуп, <ашыхит> дыфнашылар, дыскуеит хәа дыпшуп. <...> Қамриқа захъзыз: — <...> Афымсаггы, алагъянгы шәымаз, — хәа заанац иралхәахъан. <...> Иара дааниуа, дааниуа, дааниуа, <...> ашәваз данахыцуаз аамтазы ағъөфхәа ашә ғадыркит. Ашә анығадырык аамтазы ашыхит дабақоу, дықазам. Ашырхәа ажәц, дыжәтхан, ажәц ყырруа афыны иааңналт. Ажәц ყырруа афыны иааңналта, «аа, <...> афымсаг ахышшыла! — лхәо далагеит. <...> Ажәц алагъян ақны иаҳылатәаз, дыдағъхан алагъян даанхалеит.<...> Уигы афымсаг <...> шахыршыуз, <...> ӡырлашәни алагъян ақны иааңхит. <...> — Рацәак ҳагым <...> афымсаг ахышшы ҳәа шылхәэоз акәымкәа, алагъян ағы дуағысны <...> «Ух гәыша сара араскаамта сышпәацәаз! — хәа даапьшил. <...>» (В это время одна из его сестер ждет за дверью, чтобы поймать <мертвеца>, когда он зайдет. Камрика-ка им сказала, чтобы они заранее подготовили веник и корыто. Он идет, идет, идет и уже переходит порог, и сразу же за ним закрывается дверь. Дверь закрылась, а мертвеца нет. Он сразу превратился в ласточку и летит по дому. Когда ласточка начала летать, Камрика-ка сказала, чтобы они веником били ласточку. Ласточка села у корыта и превратилась в лягушку. И эту тоже начали бить веником, и она стала ящерицей и сидит у корыта. «Осталось немного, бейте веником», — сказала она, и в корыте появился человек. «Ух, сколько же я спал», — сказал он и проснулся. <...>) [Зухба 2005, 223].

Как видно из приведенных примеров, в абхазских волшебных сказках сюжеты с мотивом инцеста занимают незначительное место. В настоящий момент известно только два сюжетных типа, где встречается данный мотив. Один сюжетный тип, соответствующий номеру 510B по указателю ATU, представлен в абхазской традиции единственным вариантом, записанным к тому же не в самой Абхазии, а в абхазском анклаве в Турции. Отсутствие подобных текстов в абхазской традиции на родине может свидетельствовать о том, что текст, записанный Ж. Демюзелием, возник под влиянием турецкой традиции, тем более что, согласно указателю ATU, в турецкой традиции

сказки данного сюжетного типа есть. Сказки сюжетного типа 313Е* представлены в абхазской традиции несколькими вариантами. В ряде случаев мотив инцеста может отсутствовать, но, с нашей точки зрения, это связано с позицией сказочника, для которого инцест недопустим.

Источники и материалы

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

АТУ — *Uther H.-J. The types of international folktales. A classification and bibliography. P. I–III. Helsinki, 2004.*

Dumézil 1967 — *Dumézil G. Documentations anatoliennes sur les langues et les traditions du Caucase. T. V. Paris, 1967.*

Исследования

Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.*

Добровольская 2019 — *Добровольская В. Е. Сюжет АТУ 510В «Peau d'Asne» / СУС 510В «Свиной чехол» в русской сказочной тра-*

диции // Традиционная культура. 2019. № 1. С. 20–30.

Зухба 2005 — Абхазское народное поэтическое творчество: В 12 т. Т. IV. Кн. 1: Абхазские сказки / Сост., подгот. к изд., предисл., коммент. С. Л. Зухбы; Отв. ред. Ш. Х. Салакая. Сухум, 2005. На абх. яз.

Зухба 2014 — *Зухба С. Л. Избранные труды: В 2 т. Сухум, 2014.*

Пилия 2017 — *Пилия М. Ф. Предметные реалии абхазской волшебной сказки, связанные с ритуально-обрядовыми практиками // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 151–157.*

Топорков 2014 — *Топорков А. Л. Нож // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр., доп. / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2014. С. 326–327.*

© М. Ф. Пилия, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пилия М.Ф. <https://orcid.org/0000-0003-4710-1549>

Сотрудник центра нартovedения и полевой фольклористики Абхазского государственного университета: Республика Абхазия, 384904, г. Сухум, ул. Университетская, д. 1;
тел.: + 7 (940) 990-94-99; e-mail: madonna1990.piliya@mail.ru

ABKHAZIAN FAIRYTALES ABOUT PREVENTED INCEST (PLOT TYPES ATU 313* “THE SISTER’S FLIGHT”, ATU 510B “PEAU D’ASNE”)

MADONNA F. PILIYA

(Center of Nart Studies and Field Folkloristics, Abkhazian State University:
1, Universitetskaya str., Sukhum, 384904, Abkhazia Republic)

Summary. The article is devoted to the analysis of fairytales with the motif of incest. This motif occupies an insignificant place in the Abkhazian tradition. At the present moment, we know of only two plot types where it occurs. One plot type, corresponding to number 510B in the ATU index, is represented in the Abkhazian tradition in only one instance, recorded, moreover, not in Abkhazia itself, but in an Abkhazian enclave in Turkey. The absence of such texts in the Abkhazian tradition on native territory may indicate that the text recorded by J. Demyuzil developed under the influence of the Turkish tradition. According to the ATU index there do exist some fairytales of this type in the Turkish tradition. Fairytales of the plot type 313E* are presented in the Abkhazian tradition in several variants. In some cases, the incest motif may be absent, but from our point of view this is due to the particular storyteller, for whom incest was unacceptable. It should also be noted that in the plot types under consideration everyday life objects connected with the ritual practices of the Abkhazians occupy a significant place. As in the rites, they perform the function of a protective amulet, a sign and means of uniting various substances.

Key words: fairytale, Abkhazian fairytale tradition, everyday life objects, plot types 510B and 313E*.

Received: October 20, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Piliya M. F. Abkhazian fairytales about prevented incest (plot types ATU 313* “The Sister’s Flight”, ATU 510B “Peau d’Asne”). *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 52–58. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.005

References

Dobrovolskaya V. E. (2009) Predmetnyye realii russkoy volshebnoy skazki. [Everyday life objects in the Russian fairytale]. Moscow. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2019) Syuzhet ATU 510B “Peau d’Asne” / SUS 510B “Svinoy chekhol” v russkoj skazochnoj traditsii [The plot type ATU 510B “Peau d’Asne” (SUS 510B “Pigskin Cover”) in the Russian fairytale tradition]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 20–30. In Russian.

Zukhba S. L. (comp., preface, comm.) (2005) Apsua zhlar rchapyts rchiamta [Abkhazian folktales: fairytales]. In 12 vol. Vol. 4. Books 1–2. Sukhum. In Abkhazian.

Zukhba S. L. (2014) Izbrannyye trudy [Selected works]. In 2 vol. Vol. I. Sukhum. In Abkhazian.

Piliya M. F. (2017) Predmetnyye realii abkhazskoy volshebnoy skazki, svyazannyye s rituall’no-obryadovymi praktikami [Everyday life objects in the Abkhazian fairytale connected to ritual-ceremonial practices]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. 2017. No. 3. Pp. 151–157. In Russian.

Toporkov A. L. (2014) Nozh [Knife]. In: Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow. Pp. 326–327. In Russian.

© M. F. Piliya, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Madonna F. Piliya <https://orcid.org/0000-0003-4710-1549>

E-mail: madonna1990.piliya@mail.ru

Tel.: + 7 (940) 990-94-99

1, Universitetskaya str., Sukhum, 384904, Abkhazia Republic

Researcher, Center of Nart Studies and Field Folkloristics, Abkhazian State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)